

УДК 811.161.1`38;811.161.1`42

ОПЫТ АНАЛИЗА ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Васильев А. Д.

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»,
Красноярск*

E-mail: vasileva@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru

Современный российский политический дискурс предоставляет лингвистам информативный материал для исследования. Таковы, в частности, публичные выступления В.В. Путина. В статье рассматривается текст его обращения к Федеральному Собранию 18.03.2014 по поводу принятия в состав России Республики Крым и города Севастополь. В результате анализа установлено, что этноним русские используется здесь как воплощение одного из ориентиров, задаваемых универсальной семиотической оппозицией «свой»/«чужой».

Ключевые слова: политический дискурс, русские, семиотическая оппозиция.

Мы — русские!

Какой восторг!

А. В. Суворов

ВВЕДЕНИЕ

Универсальная семиотическая оппозиция «свой»/ «чужой» способна обретать самые разнообразные вербально-тематические воплощения, пронизывая и формируя тем самым все области индивидуального и общественного сознания, конструируя и выражая национальную ментальность и свойственную ей языковую картину мира. Совершенно очевидно, что одна из важнейших в этом отношении ролей принадлежит автоэтнонимам.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Автоэтнонимы выполняют функции, весьма значимые в ряде аспектов. Среди них, по крайней мере, следующие. Во-первых, это вербальная граница, четко дифференцирующая макрогруппы человечества на «своих» и «чужих» (см. об этом [9]), причем осознаваемая и теми, и другими. Во-вторых, поскольку «самоописание системы есть последний этап в процессе ее самоорганизации» [7, с.368], постольку автоэтноним выступает как предельно сконцентрированное самоописание народа. В-третьих, автоэтноним фигурирует в качестве фундаментального компонента языковой картины мира, предназначенного для самоидентификации и идентификации носителей данного языка.

Следует прежде всего констатировать, что на протяжении последних двадцати с лишним лет российской истории использование этнонима русский и в официальных публичных речевых актах, и в повседневном дискурсе отечественных средств массовой информации имело вполне определенный характер. Этноним принудительно отягощался негативно-оценочной коннотацией, естественным образом распространявшейся и на его обладателей. Собственно, этот манипулятивно-пропагандистский ход по-своему логично основывался на всячески

популяризовавшемся при Советской власти постулате о якобы исчезновении русских как нации, о чем прямо или косвенно сообщали официальные справочные издания того периода. См., например, внутренне противоречивый пассаж: «русские, нация, осн. нас. РСФСР [хотя понятно, что они же были частью населения и других республик. — А.В.] <...>. После Октябрьской революции в ходе социалистических преобразований Р. консолидировались в социалистическую нацию и вместе с другими нациями и народностями СССР образовали новую ист. общность — советский народ» [11, с. 1144] (разрядка здесь и далее наша. — А.В.). Любопытно, что в то же время цитируемое издание ничего не сообщает о подобной «консолидации в социалистическую нацию» грузин, казахов, узбеков, украинцев и прочих, с которыми, следовательно, такие радикальные метаморфозы не произошли. А вот русские, превратившись в малопонятный социалистический конгломерат, не обладающий складывающейся многими веками ментальностью, были, по существу, лишены статуса нации. При этом делалось всё для забвения государствообразующей роли русского народа и фактора его исконной национальной и религиозной терпимости, благодаря которым возникла исторически уникальная страна.

Те же векторы были максимально успешно продолжены несоветской властью, усиленно — и при этом во многих случаях утонченно и изощренно пропагандирующей чудесное превращение русских в национально безликую биомассу, толпу мифических «россиян», точно так же, как и «советский народ», не обладающую ни общей историей, ни едиными культурными традициями, ни, следовательно, и спланированной и одухотворяющей ментальностью (подробнее см. [4], [5, с.359-499]). Вероятно, решающую роль здесь играют усилия космополитичных российских либералов, «демшизы», представители которой, как правило, имеют про запас так называемую «историческую родину» — по существу, это те же самые борцы с «великодержавным шовинизмом», еще более непримиримые, чем их предки (причем иногда не только в сугубо идейно-политическом смысле) из числа воинствующих интернационалистов революционной эпохи.

Однако буквально в последнее время (кстати, на ставшем обыденным фоне абсурдных заявлений о якобы многонациональной РФ — см. [5, с. 351-352]) стали появляться публичные речевые акты, несколько в иной тональности представляющие этноним русский. По-видимому, импульсом к этому послужили некоторые политические события, позволившие по-другому оценить и известные реалии, и их пропагандистское освещение.

Рассмотрим в качестве примера выступление В.В. Путина 18 марта 2014 года, предварявшее рассмотрение Федеральным Собранием Конституционного закона о принятии в состав России в статусе ее субъектов Республики Крым и города Севастополь, а также ратификацию договора об их вхождении в Российскую Федерацию (источник: [сайт президента России <http://kremlin.ru/news/20603>]).

Текст выступления грамотно структурирован в риторическом отношении. Здесь перемежаются и логично сопрягаются фрагменты, имеющие единый семантический стержень — и при этом достаточно явно различающиеся в функционально-стилевом

отношении. Так, начиная с приведения сухих статистических данных о результатах референдума в Крыму 16 марта 2014 года, оратор переходит к пронизанному высоким пафосом краткому историко-культурному очерку, затем — к критике решения Хрущева, волонтаристски передавшего Украине Крым и Севастополь; далее — комментарию по поводу естественной реакции жителей Крыма и России и на этот судьбоносный шаг, и на позднейшие попытки украинских нацистов и русофобов произвести принудительную ассимиляцию русских (в том числе — и посредством отказа им в естественном праве пользоваться родным языком); далее — о неадекватных откликах западных деятелей на итоги упомянутого референдума. Естественным образом череду суждений о не подкрепленных международным правом шагах США, НАТО, Запада в целом (наконец-то обоснованно аргументируемую напоминанием об исторически константном модусе поведения западных «партнеров» по отношению к России, вне зависимости от ее социально-политического устройства); выражение готовности к дружбе с Украиной — при готовности защищать интересы русских, проживающих на Украине, политическими, дипломатическими и правовыми средствами. Наконец, оратор в качестве решающего аргумента приводит данные о результатах социологических опросов граждан России, в подавляющем большинстве своем выступивших за присоединение Крыма к России.

Вполне понятно, что данное выступление В.В. Путина (не следует, впрочем, забывать о том, что этот текст, как и многие подобные публичные речевые акты, вряд ли всецело принадлежит перу лишь главы государства — по-видимому, активно участвовали и штатные речеписцы), венчающееся директивно-воодушевляющим иницирующим воззванием «Не сомневаюсь в вашей поддержке!», произвело на аудиторию прогнозируемый эффект. Тем более, что вряд ли кому-то из членов Федерального Собрания хотелось бы оказаться среди тех, кого президент — в этой же речи — квалифицировал как «некую пятую колонну — разного рода «национал-предателей» (такая характеристика, кстати, вполне заслужена некоторыми российскими политиками, бизнесменами и деятелями СМИ, но неоправданно редко применяется в отечественном официозно-речевом обороте).

Очевидно, для придания высказываниям большей выразительности (то есть — для повышения их эмоциональности и, соответственно, усиления манипулятивного воздействия на аудиторию), оратор вводит в них лексические и фразеологические единицы, относительно сниженные в функционально-стилевом ключе, что мало свойственно текстам подобного жанра. Впрочем, такой риторический прием довольно характерен для публичных выступлений данного речедеятеля.

Так, например: «вопрос [о передаче Крыма и Севастополя Украине в 1954 году] решили кулуарно, междусобойчиком»; «...вот тогда уже [после того, как Крым оказался под властью незалежной Украины] Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили»; «в 2004 году, чтобы провалить нужного кандидата на президентских выборах, придумали какой-то третий тур <...>. Просто абсурд и издевательство над конституцией»; «миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись в другой»; «... крымчане <...> говорят, что тогда, в 1991 году, их передали из рук в руки просто как мешок картошки»; «за годы «самостийности»

<...> власть, что называется, их [граждан Украины] «достала», опостылела просто»; «они [правители] «доили» Украину»; «сами [США] написали, раструбили на весь мир, нагнули всех...»; «... мы против того, чтобы военная организация [НАТО] хозяйничала возле нашего забора».

Можно отметить в связи с этим и такие обороты: «<...> большевики <...>, пусть Бог им будет судья...»; «Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду»; «<...> хорошо, что они [западные политики] хоть вспомнили о том, что существует международное право, и на том спасибо, лучше поздно, чем никогда»; «трудно было в это [натовские бомбардировки Белграда в 1999 году] поверить, глазам своим не верил»; «нам всё время одно и то же твердили [западные коллеги]: «Ну, вас это не касается». Легко сказать, не касается»; «сегодня [западным партнерам] необходимо прекратить истерику»; «они [натовские моряки] <...> отличные парни, но лучше пускай они к нам приезжают в гости в Севастополь, чем мы к ним» и др.

Такие и аналогичные по стилистической тональности слова и сочетания достаточно гармонично, как ни парадоксально, в этом тексте сочетаются и переплетаются с возвышенно-пафосными лексемами и синтагмами. Среди них, например, фрагменты вводной части: «В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизованную основу... В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота <...>. Каждое из этих мест свято для нас, это символ русской воинской славы и невиданной доблести. Крым – это и уникальный сплав культур и традиции разных народов <...>. В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остается неотъемлемой частью России. Эта убежденность, основанная на правде и справедливости, была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение, перед ней были бессильны и время, и обстоятельства, бессильны все драматические перемены, которые мы переживали, переживала наша страна в течение всего XX века» и т. д.

Однако полагаем, что наибольший интерес вызывает характер использования некоторых этнонимов в данном тексте. Само их появление в нем объясняется, конечно, специфическим национальным составом населения Крыма, где в качестве доминирующих выступают три этнические группы: русские, украинцы и крымские татары.

Приведем контексты, в которых они фигурируют: «Русские и украинцы, крымские татары и представители других народов жили и трудились рядом...»; «<...> сегодня из 2 миллионов 200 тысяч жителей Крымского полуострова — почти полтора миллиона русских, 350 тысяч украинцев <...>, порядка 290-300 тысяч крымских татар»; «<...> к крымским татарам <...> была проявлена жестокая несправедливость»; «крымские татары вернулись на свою землю»; «<...> процесс реабилитации крымско-татарского народа»; «почему-то то, что можно албанцам в Косово <...>, запрещается русским, украинцам и крымским татарам в Крыму»;

«дорогие друзья <...>, мы с вами — и русские, и украинцы — можем вообще потерять Крым» и др.

При этом, что вполне естественно, особо информативны фрагменты выступления, содержащие знаковое для очень многих речедателей слово русский. Эти эпизоды могут быть условно дифференцированы на две группы: в первой данное слово выступает как собственно этноним, во второй выполняет атрибутивную функцию.

Высказывания первой группы: «Русские и украинцы, крымские татары и представители других народов...»; в Крыму «почти полтора миллиона русских...»; «от репрессий тогда пострадали многие миллионы людей разных национальностей, и прежде всего, конечно, русских людей»; «миллионы русских [после развала СССР] легли спать в одной стране, а проснулись за границей»; «раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка»; «<...>русские, как и другие граждане Украины, страдали от постоянного <...> кризиса»; «<...> то, что можно албанцам <...>, запрещается русским, украинцам и крымским татарам»; «Россия должна защищать интересы русских и представителей других национальностей <...> в Крыму».

Высказывания второй группы: «В Крыму — могилы русских солдат...»; «Крым — это <...> Родина русского черноморского военного флота»; «... Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора <...> — символы русской воинской славы...»; «... 350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком...»; «... от репрессий тогда пострадали многие миллионы людей разных национальностей, и прежде всего, конечно, русских людей»; «в Крыму <...> будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский»; «...русский народ стал <...> самым большим разделенным народом в мире»; «... Крым — это исконно русская земля, а Севастополь —русский город»; «... и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей»; «... рассчитываю, что граждане Германии также поддержат стремление русского мира <...> к восстановлению единства»; Крым «был и останется и русским, и украинским, и крымско-татарским»; «... в городе русской воинской славы»; «Киев — мать городов русских»; «... на Украине живут и будут жить миллионы русских людей».

Совершенно справедливо оратор неоднократно упоминает о важнейшей роли языкового фактора (хотя лингвисту, да, наверное, и мыслящему нелингвисту — тоже, он неизменно представляется весьма существенным — и не только в свете описываемых президентом событий [3]): в Крыму «350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком»; «будет правильно, если в Крыму <...> будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский»; «раз за разом [украинскими властями] предпринимались попытки лишить русских <...> родного языка»; «первым делом так называемые «власти» внесли скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, который прямо ущемлял права национальных меньшинств»; «первым на очереди [для репрессий и карательных операций со стороны Украины] был <...> русскоязычный Крым»; «на Украине живут и будут миллионы русских людей, русскоязычных граждан» и др.

Рассмотренный нами текст политического выступления заслуживает внимания и в лингвистическом, и в ряде иных аспектов.

Это несомненно примечательный в риторическом плане дискурсивный акт. Оратор в целях достижения максимального эффекта воздействия (и эмоционального в том числе) на аудиторию использует разностилевые языковые средства, впрочем, оказывающиеся равно действенными как инструменты создания образности, несомненно уместной и для данного жанра, и для описываемых в конкретном случае событий. Можно достаточно уверенно предполагать, что данное выступление в значительной степени повлияло на сознание не только тех слушателей, к которым непосредственно обращался президент, но и немалой части населения России.

Следует отметить, что в рассматриваемом выступлении оппозиция «мы» / «они» (в иных модификациях — «свой» / «чужой» и проч.) получила зримое воплощение. Известно, что это противопоставление носит фундаментальный характер: «Путем отрицания «их» формируется «наше» <...>. Мировая история и прогресс самого человека могут быть рассмотрены как оппозиция полярных «они» и «мы» [9, с. 210].

Начнем с различных вербальных воплощений в данном тексте компонента «они» («чужие»). Эта составляющая тематически может быть дифференцирована на подгруппы.

К первой из них относятся именованья украинских властей (надо обратить внимание на то, что цитируемый оратор неоднократно, четко и последовательно отграничивает от них и их сторонников «братский украинский народ» — так в тексте). Это украинские «власти предержавные» (выражение, которое употребляется иронически; см. [1, с. 103]); «так называемые «власти» {«так называемый — 1. Именуемый, носящий название; 2. Мнимый» [10, с. 220]); «украинские идейные наследники Бандеры — приспешника Гитлера»; «многие госорганы на Украине узурпированы самозванцами»; «националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты», «радикалы»; «боевики майдана».

Ко второй подгруппе принадлежат номинации «тех, кто стоял за последними событиями на Украине»: «зарубежные спонсоры этих сегодняшних [украинских] «политиков», кураторы сегодняшних властей»; «западные политики»; «наши коллеги из Западной Европы, из Северной Америки»; «наши коллеги на Западе»; «Соединенные Штаты и Европа»; «НАТО»; «наши западные партнеры»; «наши западные партнеры во главе с Соединенными Штатами Америки» (об истории в русском языке слов коллеги и партнер см. [3, с. 38-41, 54-56], причем изначальная семантика второго из них довольно прозрачно демонстрирует реальную невозможность «равноправного партнерства», недавно столь излюбленного агитпропом).

Конечно, сюда же примыкает упоминание и о «некоей пятой колонне — разного рода «национал-предателях»: «пятая колонна — первоначально так называли шпионов, диверсантов и вредителей, поддерживавших контрреволюционных франкистов в годы борьбы с ними Испанской республики (1936-1939). Выражение это принадлежит испанскому генералу Мола <...>. ... Он

заявил, что, помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн, он располагает еще пятой колонной в самом Мадриде <...>. Так стали называть вообще тайных агентов врага, помогающих ему шпионажем, саботажем и диверсией» [1, с. 536]. Хотя позднейшие авторы склонны считать это выражение апокрифическим [6, с. 626-627], оно сохраняется в публичном речекоммуникативном обороте, не утрачивая ни негативно-оценочной коннотации, ни, увы, актуальности.

Что же касается названий первого компонента оппозиции («свой»), то они варьируются гораздо менее заметно, будучи манифестированы такими словесными формами, как «мы» (иначе говоря, президент не только выражает мнение абсолютного большинства народа, но также солидаризируется с ним до статуса совершенного единства, некоей слиянности), «Россия», «Российская Федерация»; «российское государство»; «граждане нашей страны»; «люди в России» и, вероятно, также «русские», «русские люди», «русский мир».

На наш взгляд, косвенное предназначение этого текста имеет очевидно знаковый характер. По существу, оратор напоминает (и русским — в том числе) как об их исторических заслугах, важность которых невозможно переоценить, так и о непреходящей ответственности за то, что совершается не только в стране; о том, что, где бы они ни жили, являются одним народом; о том, что они — русские — не имеют причин для самоуничтожения и проч. Одновременно это и довольно жесткое послание западным «партнерам», которым продемонстрирована не только полная уверенность в справедливости и законности действий российского государства, но также заявлено и об их фактически всенародной поддержке.

Является ли долгожданное обращение президента к чувству принижаемой национальной гордости русских узкоситуативным, определить затруднительно: естественно, политик в своих речах склонен использовать такие аргументы, которые представляются ему самому либо его сотрудникам («спичрайтерам») наиболее уместными и даже единственно необходимыми на данном этапе деятельности.

ВЫВОДЫ

Впрочем, приведем в завершение цитату из позднейшего выступления В.В. Путина — 27 января 2015 года в Еврейском музее и центре толерантности по поводу дня памяти жертв холокоста и 70-й годовщины освобождения советскими войсками узников концлагеря Освенцим: «В этой связи хочу сказать, что, конечно, — и мы сейчас только вспоминали о том, — конечно, основную тяжесть на своих плечах в борьбе с нацизмом вынес русский народ. 70 процентов от всех бойцов и офицеров Красной армии — это русские люди, и основные жертвы на алтарь Победы принес русский народ» [<http://kremlin.ru/news/47529>].

Конечно же, русские, к доминирующим чертам ментальности которых несомненно следует отнести миролюбие, терпимость и скромность, теперь имеют некоторые причины для того, чтобы быть искренне благодарными своему президенту: наконец-то о них хотя бы вспомнили — и на этот раз не для привычных инвектив...

Примечания

1. См. хотя и беллетристическую, но вполне резонную квалификацию: «... Все новейшие разработки <...> очень скоро становились известны нашим геополитическим партнерам (так теперь называют, чтобы не сглазить, вероятного противника)» [8, с. 379].
2. Ср.: «Все, испытавшие войну, знают, как способны русские делать свое дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью. Все знают, что в наших армиях должность эту, составления реляций и донесений, исполняют большей частью наши инородцы» [12, с. 361] — и: «Увы, эта поговорка «скромность заела», кажется, специально придумана русскими про себя» [13, с. 19] (последнее суждение было высказано в 1987 г.).

Список литературы

1. Ашукин Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М., 1986. – 768 с.
2. Васильев А. Д. Судьбы заимствований в русской лексике / А. Д. Васильев. – Красноярск, 1993. – 92 с.
3. Васильев А. Д. Современное российское языковое законодательство / А. Д. Васильев. – Красноярск, 2007. – 152 с.
4. Васильев А. Д. Манипулятивные игры в слова / А. Д. Васильев // Филология и человек. – Барнаул, 2007. – № 4. – С. 67-77.
5. Васильев А. Д. Игры в слова / А. Д. Васильев. – СПб., 2013. – 660 с.
6. Душенко К. В. Словарь современных цитат / К. В. Душенко. – 4-е изд. – М., 2006. – 832 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
8. Поляков Ю. М. Гипсовый трубоч: дубль два / Ю. М. Поляков. – М., 2010. – 488 с.
9. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – изд. 2-е. – М., 1979. – 260с.
10. Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова / Р. П. Рогожникова. – М., 1991. – 254 с.
11. Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., 1983 [СЭС]. –1600 с.
12. Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» / Л. Н. Толстой // Толстой Л.Н. Собр.соч. В 22-х томах. Т. 7. «Война и мир». – М., 1981. – С. 356-366.
13. Трубочев О. Н. Заветное слово / О. Н. Трубочев. – М., 2004. – 224 с.

EXPERIENCE IN THE ANALYSIS OF THE TEXT OF POLITICAL SPEECHES

Vasiliev A. D.

Universal semiotic opposition "own"/"alien" takes on a variety of verbal and theme of the incarnation, expressing the national language painted a mental picture of the world. One of the most important roles belongs to autoitalia. For several years Russian propaganda imposed a wider audience of negative evaluation connotatio ethnonym Russian, introducing him to the media as some national faceless mass, devoid of deep traditions and historical memory. In this respect, in essence, continued the implementation of the Soviet ideological postulates, characterized the Russians as "a socialist nation". However, in the post-Soviet period invectives against the Russians became more sophisticated and intensive. The article analyzes the nature of the use of the ethnonym of Russians in the text of the speech of Russian President Vladimir Putin on 18 March 2014 to the Federal Assembly, where the constitutional law on acceptance in structure of Russia in the status of its subjects of the Republic of Crimea and Sevastopol city. The text is correctly structured and decorated in a rhetorical aspect. Here will be blended and mated logical fragments that have a common semantic core and thus sufficiently clearly distinguished in the functional-stylistic. The greatest interest is the nature of the use of the ethnonym for the Russians, sharply dissonant become familiar for nearly a quarter of a century. Vladimir Putin mentions the ethnonym repeatedly and on different occasions; turning to the facts of history – both distant and modern; when stating the exceptional importance of language policy; by emphasizing the special national responsibility and so on. Essentially, the text about the value of state-forming Russian people.

Key words: political discourse, Russians, semiotic opposition

References

1. Ashoken N. With., Ashukina M. G. Winged words. -M., 1986. – 768 p
2. Vasiliev A. D. the fate of loan words in the Russian vocabulary .Krasnoyarsk, 1993. – 92 p.
3. Vasilyev A.D. Modern Russian language law.— Krasnoyarsk, 2007. – 152 p.
4. Vasiliev A. D. Manipulative word games // Philology and people. –Barnaul, 2007. No. 4rP. 67-77.
5. Vasiliev A. D. word Games.–St. Petersburg, 2013. – 660 p.
6. The Dushenko K. V. a Dictionary of modern quotations. –4-e Izd. –M., 2006. -832 p.
7. Lotman Y. M. Inside minded worlds.–M., 1996. 464 p.
8. Yury Polyakov, Gypsum trumpeter: take two. –M., 2010.– 488 p.
9. Porshnev B. F. Social psychology and history. Ed. 2-E. –M., 1979. –260p.
10. Rogozhnikova R. P. Dictionary of equivalent words. –M., 1991. -254 p.
11. Soviet encyclopedic dictionary. Ed. 2-E.–M., 1983. [SES]. -1600 p.
12. Tolstoy L. N. A few words about the book "War and peace" // Tolstoy L. N. SOBR.vol. In 22 volumes. T. 7. "War and peace".~M., 1981.-P. 356-366.
13. Trubachov O. N. Cherished word. –M., 2004. – 224 p.